

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'2

DOI: 10.17223/19986645/48/1

Л.И. Горбунова

ПЕРЦЕПТИВНАЯ ОСНОВА НАИВНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕДМЕТНОГО МИРА

В статье изучается роль перцептивных признаков объектов в наивной категоризации предметного мира. Показано, что релевантные признаки объекта могут быть проигнорированы при наивной категоризации, если они не являются чувственно воспринимаемыми. Нерелевантные признаки, устойчиво связанные с материальным обликом объекта, могут использоваться как классификаторы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, наивная и научная категоризация, наивная картина мира, перцепция, релевантный признак.

На современном этапе развития науки важность категоризации как когнитивного процесса уже не надо никому доказывать. Общепринятой также является мысль о том, что процесс и результаты категоризации действительности должны выступать и выступают в качестве объекта изучения науки. При этом в лингвистических исследованиях категоризации действительности явно обнаруживаются два основных направления. Первое берет начало в работах психолога-когнитивиста Э. Рош и посвящено описанию устройства категорий, организованных вокруг прототипического ядра, а также разработке понятий **прототип** и **базовый уровень категоризации** в применении к языковому материалу. Второе направление исследований категоризации представлено работами, в которых изучается содержание категорий. При этом наблюдается явный крен в сторону описания нематериальных категорий: изучаются принципы сведения в один класс абстрактных объектов нематериального мира и содержание ментальных, этических, языковых категорий и под. Внимание ученых здесь сосредоточено на категоризации как продукте «метафоры, метонимии и ментальной образности в целом» [1. С. 23]. Категоризация же материальной действительности намного реже попадает в поле зрения ученых [2–5] (см. также обзор об исследованиях лексики, называющей категории, в системно-структурном и когнитивном аспекте в работе [6]), что можно в том числе объяснить и кажущейся очевидностью возможных результатов исследования. Независимо от парадигмы, в русле которой выполнены указанные работы, авторы выявляют перцептуальные признаки, соотносимые с семантическими компонентами, входящими в лексическое значение слова – название категории. При этом **каждый** из компонентов, по мнению всех авторов, принимает участие в классификации¹. Однако, как показывает

¹ Как правило, связь между экстралингвистической и семантической информацией интерпретируется в русле избранной автором научной парадигмы. Соответственно, информация о перцептуаль-

предварительный анализ материала и имеющейся научной литературы, членение объектов материального мира на категории и отражение их в языке является не таким простым и однозначно интерпретируемым, как представляется на первый взгляд. В этот процесс вовлечена информация о признаках разной природы, сложно взаимодействующих друг с другом. Показать некоторые аспекты такого взаимодействия – одна из задач данной статьи.

При описании корреляции когнитивного и языкового общим местом стали утверждения вроде «категоризация осуществляется посредством языка» [7. С. 84]. Представляется, что, говоря об участии языка в категоризации, исследователь должен строго дифференцировать логические категории, получившие название в языке и таким образом закрепленные его лексическими единицами, и грамматические категории, с помощью которых осуществляется языковая категоризация действительности. Для соблюдения методологической точности и обоснованности лингвистического описания и корректности его выводов целесообразно исходить из того, что «лексические значения отражают онтологию мира и результаты его познания: знания конкретных предметов и явлений, их характеристик и категорий. Иными словами, лексические значения и основанные на них тематические группировки слов (термины родства, названия природных явлений, глаголы движения, прилагательные цвета и т.п.) отражают представления об естественных объектах и категориях» [8. С. 11], «лексическая категоризация представляет собой языковой аналог категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира человека» [там же] и поэтому не может считаться и называться языковой, в отличие от категоризации грамматической. Однако, отказывая лексическим единицам в способности членить мир на категории, следует подчеркнуть, что «сказанное выше вовсе не означает, что лексические значения не имеют никакого отношения к языку. Передавая знания о мире, они не перестают при этом быть языковыми значениями, т.е. представляют собой в определенной мере условно-абстрактный (символьный) способ передачи этих знаний. Сказанное также не означает, что лексическая категоризация в языке лишена смысла. Напротив, выявление различных типов отношений между элементами внутри одной тематической группы, а также между элементами разных тематических групп позволяет эксплицировать многообразие межконцептуальных связей в сознании человека (но, еще раз подчеркнем, не в системе языка)» [Там же. С. 12]. Более того, рассматривая, как результаты категоризации мира отражены лексическими единицами языка, мы получаем доступ к когниции, ведь при исследовании того, как человек говорит, можно понять, как он мыслит. Часто изучение слов как единиц лексической системы языка и как единиц речи является единственным надежным способом выхода на устройство категорий, выделяемых в окружающей действительности, их содержание и принципы формирования, поскольку позволяет выяснить, какие знания об объекте замечены носителем языка и какую роль они играют в опознании объекта и включении его в тот или иной класс. Таким образом, методологическим основанием данного исследования является строгое раз-

граничение категоризации как когнитивного процесса и номинации как процесса языкового и признание их корреляции.

В предлагаемой статье мы изучаем один из факторов, обуславливающих наивное членение предметного мира на определенные категории, – чувственное восприятие. Когнитивной наукой доказана основополагающая роль перцепции в освоении действительности. Наивные представления о мире формируются в ходе обыденного восприятия действительности, чаще всего они не являются результатом целенаправленной деятельности, поэтому перцепцию в наивной категоризации действительности можно считать одним из важнейших факторов. Анализ функционирования слова как имени категорий материального мира позволяет выявить некоторые особенности использования чувственно воспринимаемых признаков объекта при его отнесении к тому или иному классу.

Наше исследование основано на интерпретации собственно языковых данных – на изучении контекстов, отражающих процесс включения объекта материального мира в некоторую категорию и его результат, проявляющийся в том числе и в присвоении имени категории конкретному предмету¹. В высказываниях на естественном языке проявляются ход когнитивной деятельности, причины и основания определенного решения человека. Очевидно, что данные о категоризации можно обнаружить и другим способом (см., например: [9, 3, 10]). Но только обращение к языковому материалу, его тщательный анализ страхуют исследование от умозрительности и делают его лингвистическим и лингвистически верифицируемым. Это принципиальная позиция автора.

В данной статье материалом исследования выступают не отдельные слова, а именно высказывания², во-первых, потому что только в высказывании носитель языка, рассуждая о том, почему объект так называется или почему его так следует назвать, эксплицирует сам процесс категоризации и его основания. Указывая на признаки объекта, которые мотивируют выбор определенного имени, говорящий демонстрирует, на какие свойства вещи он обращает внимание в процессе категоризации, а затем и номинации. Именно в контексте можно обнаружить, почему человек относит объекты к одному классу. Кроме того, высказывание, порожденное в естественной коммуникативной ситуации, а не в ситуации эксперимента, дает более надежный материал, не искаженный необходимостью решить некоторую мыслительную задачу³.

Во-вторых, в работах, так или иначе предоставляющих данные о связи языковых единиц и категоризации объектов материального мира ([4, 5, 6, 13] и др.), авторы опираются на анализ словарных дефиниций имен категорий в разных языках (*море, поле, озеро, гора, луг*). Однако слово – это знак, который в сжатой форме символизирует называемое. В нашем случае это означает, что некоторая часть когнитивно значимой информации может быть не

¹ О соотношении познания и номинации см. в работах [11, 12].

² Материал собран с помощью информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка» [14] и других поисковых систем (yandex.ru, google.ru). Проанализировано около 37 000 контекстов.

³ Например, ответить на вопрос «Назовите известные вам фрукты» [3].

отражена в компонентах лексического значения. В результате некоторые знания, которые имеют в виду участники коммуникации, остаются за скобками, не называются словом, но являются релевантными с когнитивной и коммуникативной точки зрения.

В-третьих, существующие словари не ставили перед собой задачу выявления и закрепления в словарной статье всей когнитивно и коммуникативно значимой информации, поэтому в рассматриваемом аспекте словарная дефиниция может быть как избыточной, так и недостаточной. Например, как утверждается в работах, изучающих категорию **водоемы** на основании словарных дефиниций имен водоемов, признак 'размер' не учитывается при категоризации и не отражается в качестве семантического компонента в значении слова [15, 16]. Однако в контекстах этот признак наиболее часто является главным при объяснении выбора номинации *море* для озер и водохранилищ:

1) *Каспийское море считается самым большим озером на нашей Земле. За его большие размеры это озеро называют морем* (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1549082-kakie-razmery-imeet-kaspijskoe-more.html>) (см. подробно о категоризации водных объектов в работе [17]).

В-четвертых, словарные дефиниции часто непоследовательны в принципах отражения компонентов лексического значения и информации о называемом объекте¹, а также могут ориентироваться на различные картины мира². Из всего сказанного следует, что анализ словарной дефиниции может служить отправной точкой в когнитивном исследовании, но никак не являться основанием для окончательных выводов.

В-пятых, лексика, зафиксированная в словаре, не всегда актуальна как в коммуникативном, так и в когнитивном аспекте, и наоборот, средства, эксплицирующие когнитивную деятельность, оказываются не зафиксированными в словаре.

Таким образом, изучение контекстов в качестве средства, обнаруживающего информацию, на которой основывается человек при опознании объекта как представителя определённой категории, дает возможность совершенствовать методику выявления когнитивно актуальных признаков объектов материального мира, что позволит адекватно описывать категории и концепты.

¹ «Лексикографические источники в описании наименований плодов отражают как ботаническую концепцию (в словарных статьях часто указывается семейство, к которому принадлежит растение), так и агрономическое представление о плодовых культурах (отчетливо видны следы сельскохозяйственных классификаций: обозначен вид культуры – тропическая или субтропическая, косточковая или семечковая и т. п.). Однако важно заметить, что лексикографы не всегда последовательны в описании тех или иных наименований: так, например, у персика или ананаса отмечено семейство, а у мандарина и грейпфрута указывается не семейство (рутовые), а род – цитрус; киви вообще не характеризуется с точки зрения ботанической систематики растений, указано лишь, что это «плод тропического дерева» [3. С. 46].

² Так, например, слово *звезда* в «Толковом словаре русского языка» [18] толкуется как 'небесное тело (раскаленный газовый шар), ночью видимое как светящаяся точка' с очевидной компиляцией наивной («ночью видимое») и научной («раскаленный газовый шар») картин мира. «Словарь русского языка» дает еще больше сведений, отсылающих к научной картине мира: *звезда* 'небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющее взору человека на ночном небе светящейся точкой' [19]. Кроме отсылки к разным по природе данным (полученным в ходе обыденной жизни и в результате целенаправленного изучения с применением специальных методов и аппаратуры), наблюдается и указание на разное количество признаков объекта.

Кроме того, контексты являются самым надежным источником лексикографически релевантных данных для словарей нового типа, ориентированных на коммуникацию. Привлечение контекстов в качестве основного материала исследования, предпринятого в данной статье, обуславливает ее новизну (новизна материала) и позволяет сделать новые выводы (достичь новизны результатов).

Итак, изучим и проиллюстрируем языковым материалом, каким образом чувственный опыт определяет характер категоризации предметного мира, отраженной в лексической системе языка. Для этого сначала верифицируются сведения о том, что данные всех перцептивных систем участвуют в когнитивном процессе категоризации. Далее выясняется роль перцептуальных признаков по отношению к признакам другой природы, доказывається доминирующая роль перцептуальных признаков независимо от их статуса в структуре содержания понятия.

Как известно, в одну категорию включаются объекты, имеющие некоторые общие характеристики. Именно набор этих характеристик играет роль классификаторов, релевантных признаков, формирующих объем и структуру каждой категории. В категоризации предметов материальной действительности признаки объектов, воспринимаемые органами чувств, являются основными ориентирами при включении объекта в категорию. В качестве таковых могут выступать:

форма

2) *Просто так говорят, когда в море появляется много рыбы. Она тогда идет большими стаями. Они похожи на треугольники, поэтому называются косяками* (А.Ф. Членов)¹.

3) *Растения этой группы отличаются необыкновенно привлекательной формой цветка в виде тюльпана* (В. Ильина).

4) *Пришедший к нам из Европы бокал отличался по форме от всех известных видов питьевой посуды* («Наука и жизнь», 2006);

цвет

5) *Черный груздь или чернушка – самый распространенный груздь под Москвой* (В. Солоухин).

6) *По мере движения на юг горные цепи, через которые переваливает до рога, становятся выше и уже между реками Песчаной и Ануем именуется «белками»; так алтайские жители называют все вершины, на которых летом долго залеживается зимний снег и рано выпадает осенний; они называют так и вечно снеговые цепи* (В.А. Обручев);

размер

7) *Ягоды у клубники значительно мельче ягод садовой земляники, но несколько крупнее, чем у лесной* (Е. Мехова);

запах

8) *Я давно уже пользуюсь только оливковым. Оно от подсолнечного отличается даже по запаху. А подсолнечное рафинированное, которое у нас везде продается, ни запаха, ни пользы не имеет* (коллективный. Форум: <https://otvet.mail.ru/question/174407038>);

¹ В контекстах сохранены орфография и пунктуация авторов.

издаваемый звук

9) *Голос описываемого оленя совершенно походит на громкий отрывистый писк, а потому местные русские охотники называют его пискун* (Н.М. Пржевальский).

10) *Описать этот крик нельзя – сравнить его можно разве что с шумом двигателя реактивного самолета или гулом турбины, или визгом циркулярной пилы. Но даже столь громкие сравнения вряд ли помогут получить истинное представление о том, как голосит обезьяна-ревун* (А. Куприн);

характер поверхности и структура

11) *Разумеется, нас интересуют только достаточно крупные виды, такие как ситник развесистый (*Juncus effusus*). Это растение, внешне похожее на камыш, отличается от него стеблем – круглым и настолько пронизанным многочисленными сосудами, что в сечении он напоминает сито* (Е. Мельникова).

12) *Волнушка... зовётся так потому, что расцветка её шляпки напоминает расходящиеся круги на воде или волны, именно этим она и неповторима* (<http://gribomaniya.ru/4-17>).

13) *От остальных волнушек её отличает более «пушистое» плодовое тело (за что её ещё называют белянкой пушистой) и чуть меньшие размеры* (<http://gribomaniya.ru/4-17>);

материал

14) *Для коровы своей Лысухи из жердей и соломы построили шалаши* (А. Царев).

15) *А было время, когда они своё жилище строили из снега. Оно называлось иглу* (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/87015-что-такое-иглу.html>);

наличие определенных частей и их расположение

16) *Глухарь-самец имеет на хвосте черные косицы (менее загнутые, чем у самца-полевика), почему и называется косачом* (С.Т. Аксаков).

17) *«Корветом» ещё во времена парусного флота называли трехмачтовое морское судно, малый фрегат, отличавшийся тем, что пушки его стояли не под палубой, а на ней* (А. Новиков, Д. Гронский).

18) *На сладкое были кисти чудесного винограда и крупные орехи с тонкой скорлупой, внутри которых находилась нежная, ароматная мякоть* (А.М. Волков).

19) *Их не смутило, что в последний раз из оружия этого стреляли лет 100 назад: у револьвера не было барабана, у пистолета – курка* (А. Хинштейн).

Отсутствие одного или нескольких классификационных признаков мотивирует отнесение объекта к другому классу и номинацию другим словом:

20) *Привозный из-за границы миндаль бывает в скорлупе и без скорлупы; в первом случае он называется у нас в торговле миндальными орехами, во втором же – просто миндалем* (С.А. Петров).

Часто перцептуальные признаки используются комплексно:

21) *Определить горькую полынь довольно просто. Это многолетнее травянистое растение высотой 50–100 см, сплошь покрытое густым шелковистым пушком и из-за этого серовато-серебристое. Еще один характерный признак полыни горькой – сильный приятный запах* (А. Быков).

В примере 21) эксплицируются размер, характер поверхности, цвет, запах. (О комбинаторике перцептивных признаков см. в работе [20]).

Именно наличием или отсутствием характеристик, воспринимаемых органами чувств, руководствуется носитель языка при категоризации как процессе, в результате которого предмет опознается как член класса и получает его имя:

22) – *Мы видели, как ты прилетел на остров, но **птицей** тебя не назовёшь. Где **клюв**? Где **крылья** и **перья**? Где, наконец, **хвост**!?*

– *Пожалуй, я **не птица**, – согласился Эле-Фантик. – По всем признакам, кто-то другой* (А. Дорофеев).

23) – *А вы точно уверены, что **пистолет**? Вы же не разбираетесь.*

– *Леонид сказал, что будет **спрятан пистолет**. И потом, я же знаю, у **револьверов барабан**, а у **пистолетов – магазин*** (А. Маринина).

Языковая номинация часто закрепляет выделенный классификационный признак через внутреннюю форму слова:

24) *И тут опять, и уже ближе, **закуковала кукушка*** (Ю.О. Домбровский).

25) *Здесь, под кучей еловых веток, спал заяц-**беляк*** (Ю. Коваль).

26) *Лирохвост. **Хвост** птицы состоит из 16 перьев, крайние из которых изгибаются, принимая форму **лиры*** (<http://animalbox.ru/birds/bolshoj-liroxvost>). См. также примеры 6, 9, 10, 11, 12, 16.

Носитель языка в процессе присвоения названия может рефлексировать, соотнося признаки реального объекта и признаки, зафиксированные компонентами лексического значения слова-наименования:

27) *Как **русак**, так и **беляк** оправдывают свои названия. Первый имеет летом курчавый, серо-рыжий мех, переходящий к зиме в **грязно-белый**. Второй носит летом серый мех, переходящий зимой в **снежно-белый*** (В. Храповицкий).

Данный факт демонстрирует неразрывную связь категоризации и номинации. То, что признаки объекта и компоненты лексического значения слова-называния должны соотноситься, ярко проявляется в ситуациях когнитивного диссонанса, вызванного тем, что предмет не имеет характеристик, к которым отсылает его имя, или имеет такие, которых не должно быть у членов именуемой категории:

28) *Почему магазин называется «**Овощи-фрукты**», а в нем ни **картошки**, ни **лука**, и **фрукты** одни сушеные* (Б. Минаев).

29) *Вступили в **Красное море**. Не знаю уж, почему оно так называется. По цвету оно вовсе не **красное**, а **синее**, как небо* (А.С. Новиков-Прибой).

30) *Чиназ **очень небольшое** селение, неизвестно почему называющееся **городом*** (В.В. Верещагин).

31) *Отчего мне не хотят объяснить, почему **гранитный дворец** называется **мраморным**, а **апрельский парад майским**? Успокойте меня!* (Н.С. Лесков).

32) *Какой же ты **беляк**, когда ты **серый**?* (В.В. Бианки).

Как анекдотическое в Интернете широко обсуждается следующее предположение из сочинения, где комический эффект возникает именно из-за не-

совпадения информации, которую несет слово *пирамидальный*, и признака, отмеченного у объекта ('растет горизонтально'):

33) *Этот тополь потому и называется пирамидальным, что растет строго горизонтально* (<http://yandex.ru/clck/>).

Доминирующая роль чувственно воспринимаемых признаков в наивной категоризации подчеркивается ситуациями, когда ее результаты не совпадают с результатами научной¹ и профессиональной. Так, по данным [22], группировка небесных тел при наивной категоризации учитывает только визуально воспринимаемые признаки. Так как планеты, метеоры и звезды видны только на ночном небе и выглядят одинаково – как светящиеся точки, то все они включаются в один класс **звезда**:

34) *...И по морю, где-то далеко за Дофиновкой, ходили святые и над водой носили звёзды: Юпитер, Везу, Сириус, Венеру, Полярную звезду...* (В. Катаев).

При этом не учитывается и, видимо, не может учитываться такой важный для научной категоризации признак, как 'тип свечения' (самостоятельное или отраженным светом), поскольку в обыденной жизни эта характеристика недоступна непосредственному восприятию и не может служить опорой в опознании небесного тела. В то же время внешний вид Солнца – светящийся диск – выводит его в наивной картине мира из класса звезд. Во многом из-за своего уникального внешнего вида Солнце стоит особняком в наивной категоризации небесных тел.

На наш взгляд, представляет интерес и роль визуального признака 'цвет' в наивной и научной классификации звезд. В наивной картине мира звезды не различаются по цвету, поскольку из-за дальности разница в их цвете нивелируется. Науке же доступны и другие способы измерения этого параметра, не только с помощью простого визуального наблюдения. Поэтому на основании цвета в астрономии выделяют подклассы белых, бело-голубых, желтых, оранжевых, красных и т.д. звезд. При этом важен и способ получения данных об этом свойстве звезд:

35) *Классификация звезд по цвету на самом деле опирается не на видимое свечение тела, а на спектральные характеристики* (<http://fb.ru/article/181404/zvezdyi-vidyi-zvezd-i-ih-klassifikatsiya-po-tsvetu-i-razmeru->), что также подчеркивает различный статус визуальных характеристик при научной и наивной категоризации.

Также наука выделяет подклассы звезд на основании признака 'размер' (карлики, гиганты, сверхгиганты и пр.), который в наивной категоризации использоваться не может, так как из-за удаленности звезд все они видятся как точки, размер которых дифференцировать затруднительно.

Неучет признаков, являющихся основанием для научной категоризации, наблюдается и при выделении наивных категорий **орехи, ягоды, деревья, металлы**, например:

36) *Медь, алюминий, бронзу, вольфрам, никель и другие редкие металлы и изделия из них – с заводов* (А. Ким).

¹ Об определении и разграничении языковой и научной картин мира см. в работе [21].

В наивной картине мира бронза и мельхиор относятся к металлам, поскольку выглядят так, как металл, и имеют с точки зрения обыденного опыта те же свойства: это твердое вещество с характерным блеском, устойчивое к воздействию. Их химический состав из нескольких веществ является признаком, различающим металлы и сплавы, но, поскольку он не может быть определен чувственно, он не учитывается при наивной классификации.

Интересно, что вследствие распространения и закрепления научного знания результаты наивной категоризации могут интерпретироваться как устаревшие или ошибочные¹:

37) *По наружности долгое время кита считали рыбою* (А.И. Герцен).

38) *Прежде всякий свободно мог учить, что кит есть рыба; но с тех пор, как совершенно точно установлено, что животное это – млекопитающее, подобная ошибка более непозволительна* (И.И. Мечников).

Нам в сопоставлении этих контекстов важно то, что в примере 37 подчеркивается перцептуальный характер наивной категоризации (*по наружности*), а в примере 38 использован предикат *установлено* (*установить* ‘доказать, выяснить, обнаружить. У. факт. У. истину’), отсылающий к целенаправленной деятельности, изучению. Однако при актуальности и почти всеобщности научного знания в речи регулярно эксплицируются результаты наивного членения мира: киты называются гигантскими **рыбами** (пример 39), арбузы исключаются из класса **ягоды** и выступают особняком (пример 40), бамбук назван как особое растение и таким образом не включен в класс **травы** (пример 41), а арахис, о котором уже известно, что он относится к бобовым, именуется орехом (пример 42):

39) *Выходит, он видел, как она выныривала – кашалот, синий кит и все остальные рыбы гигантских пород* (Т. Устинова).

40) *Наш огромный сад, который давал до пяти тысяч огурцов, до ста арбузов, до ста дынь, ягод разных на несколько пудов варенья, был решительно его трудами создан и поддерживаем* (А.Ф. Писемский).

41) *А тут еще дикий виноград, бамбук, гигантский рост трав, японцы* (А.П. Чехов).

42) *Рашид достал из кармана куртки пакетик с арахисом в шоколаде, надорвал его, стал неторопливо есть орех* (А. Житков).

43) *Кокосовых пальм потому так много на атоллах, что кокосовые орехи хорошо плавают, скорлупа их очень прочная, а ядро долго сохраняет свою всхожесть* (В. Обручев).

В контексте 43 еще раз подчеркивается, какие признаки класса **орехи** значимы для говорящего: плоды кокоса он считает орехами, так как у них ‘твердая кожа’ и ‘съедобная сердцевина’, хотя известно, что кокос не является орехом с точки зрения признаков, учитываемых в ботанике.

Важным различием наивной и научной категоризации оказывается то, что часто в научной категоризации, кроме внешних признаков, учитываются и другие, чувственно не воспринимаемые, такие как ‘способ дыхания’ и ‘спо-

¹ Ср.: «Словарный состав языка прошел многотысячный путь развития, наряду с научными представлениями разных эпох в нем отражались и наслаивались также заблуждения и суеверия, в нем запечатлелся частично и дологический этап становления человеческого мышления и языка» [23. С. 60].

соб воспроизводства потомства', который различает классы **рыб** и **млекопитающих**, 'свечение собственным светом или отраженным', что различает **планеты** и **звезды** и позволяет включить Солнце в класс **звезды**. Однако при наивной категоризации классификационные признаки, которые недоступны перцепции, или просто не учитываются, или даже игнорируются. Так, бамбук и банан в обыденной жизни не относят к травам, поскольку они слишком отличаются от наших представлений о траве, которая не может в высоту существенно превышать рост человека. Такой признак, как 'отсутствие одеревеснения', различающий травы и деревья в научной категоризации, недоступен непосредственному восприятию и не может использоваться как классифицирующий признак. Таким образом, нерелевантные, но чувственно воспринимаемые признаки 'значительная высота' (у банана и бамбука) и 'наличие съедобных плодов' (у банана), делающие банан и бамбук непрототипическими представителями класса **трав**, становятся при наивной категоризации более значимыми, чем релевантный, но не воспринимаемый при непосредственном наблюдении признак 'отсутствие одеревеснения'. В результате оказывается, что указанные объекты выводятся в обыденном сознании из класса **трав** и считаются **деревьями**:

44) *Бамбук – дерево такое, легкое, легкой жизни способствует* (Вс.В. Иванов).

45) *С обеих сторон по пути в Сан-Хосе теснились банановые плантации, с душистых белокожих деревьев свисали отягощенные ветви, в них прятались глянцевые плоды* (Л. Зорин).

Игнорирование чувственно не воспринимаемых классификационных признаков наблюдается не только в случаях опознания непрототипических членов категории (банан, бамбук, кит, дельфин), но и в применении к типичным членам. Так, типичные планеты (Венера, Марс, Юпитер) характеризуются признаком 'отсутствие, собственного свечения', но так как характер свечения невозможно определить на глаз, данные небесные тела в наивной категоризации не разграничиваются со звездами и не выделяются в особую категорию небесных тел. Показательным является то, что словарь, определяя значение слова *планета*, указывает только признаки, не имеющие перцептуальной основы (*планета* 'небесное тело, движущееся вокруг Солнца и светящееся его отраженным светом'). Многие озера и водохранилища включаются носителями языка в класс **море**, несмотря на то, что имеют все необходимые признаки **озера** ('водоём', 'природное происхождение', 'непроточный', 'отсутствие выхода к океану') и поэтому должны бы причисляться к типичным представителям своего класса. Более того, все указанные свойства зафиксированы в лексическом значении слова *озеро* как его компоненты и отмечаются словарями. Но, не имея перцептуальной основы, признак 'отсутствие выхода к океану' часто игнорируется – и водные объекты получают номинацию *море*, а не *озеро*. Это происходит по целому ряду причин, обсуждение которых не входит в задачи данной статьи. Здесь нам важно показать, что в наивной категоризации материального мира чувственное восприятие является главенст-

вующим¹, поэтому при конкуренции чувственно воспринимаемого и чувственно не воспринимаемого признака первый окажется более значимым, даже если он не является релевантным.

При наивной категоризации могут учитываться характеристики объектов, не являющиеся релевантными при формировании соответствующего понятия и, соответственно, не зафиксированные в значении слова – имени категории. Так, наличие ‘размера, превышающего размеры всех окружающих природных объектов’, ‘штормов’ и других характерных внешних признаков моря обуславливает отнесение некоторых из озер и водохранилищ к **морям**. Внешний вид Солнца ‘в виде диска’ и ‘видимость днем’, а не ночью выводит его из класса **звезд**, а ‘видимость планет ночью’ как ‘светящихся точек’ включает их в указанный класс.

Игнорирование релевантных для категоризации признаков, зафиксированных компонентами лексического значения слова, и, наоборот, учет признаков, не отраженных в семантической структуре слова, проявляют более сложное соотношение когнитивно актуальных знаний об объектах и лексического значения слова, нежели традиционно отмечаемые и общепризнанные².

Результаты наивной категоризации закреплены в устойчивых выражениях и даже официальных или общепризнанных и широко используемых номинациях: *чудо-юдо рыба-кит, Каспийское море, Аральское море, Обское море, банановая пальма, саговая пальма, грецкий орех, кокосовый орех, медведь коала*.

Изучив контексты, эксплицирующие участие чувственно воспринимаемой информации об объекте материального мира в категоризации как процессе и результате когнитивной деятельности, мы пришли к следующим выводам.

1. Лексика, называющая перцептуальные признаки объектов, высокочастотна в контекстах, отражающих процесс и результаты категоризации. Таким образом, подтверждено, что перцептуальная информация играет важную роль в опознании предмета как представителя определённого класса. В восприятии такой информации принимают участие все органы чувств.

2. Чувственно воспринимаемые признаки объекта при категоризации могут использоваться комплексно.

3. При наивной категоризации чувственно не воспринимаемые признаки могут не учитываться, даже если они являются релевантными для формирования соответствующего понятия, что влечет за собой различия в содержании, объеме и структуре наивной и научной категории.

4. При включении в наивную категорию могут учитываться нерелевантные признаки объекта, которые в обыденной жизни устойчиво связаны с наивным представлением о данном классе, при нейтрализации релевантного признака.

¹ Это утверждение не означает, что при наивной категоризации чувственное восприятие – это единственный фактор, определяющий данную когнитивную процедуру.

² Ср.: «Значение слова определяет круг объектов и явлений, к которым это слово может быть отнесено, оно информирует о восприятии обозначенного и его отношениях с другими объектами и явлениями в мире, фиксирует данные о функциях и назначении того, что обозначено словом, и в итоге может привести ко всему тому, что мы знаем об обозначаемом» [5. С. 3].

Литература

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
2. Башкирцева О.А. Когнитивная основа семантической структуры слова: на материале предметных существительных с общим значением 'возвышенность конической формы': дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011. 213 с.
3. Дзюба Е.В. Категория ФРУКТЫ в научной, торговой, кулинарной и бытовой картинах мира // Вестн. Алт. гос. ун-та. 2014. Вып. 2 (140). С. 44–51.
4. Корнева В.В. Естественные категории в естественном языке (по данным испанского языка) // Древняя и Новая Романия. 2015. Вып. 15, №1. С. 105–118.
5. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2005. 39 с.
6. Чистякова Е.В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2015. 221 с.
7. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
8. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопр. когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 5–22.
9. Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991. 167 с.
10. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 629 с.
11. Колианский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 5–81.
12. Горбунова Л.И. Об участии категоризации в номинативной деятельности // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика: материалы Междунар. науч.-метод. конф., Уфа, 12–13 мая 2016 г. Уфа, 2016. С. 169–173.
13. Гавриленко О.В. Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах: сравнительно-сопоставительное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010. 239 с.
14. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
15. Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента русской языковой картины мира: дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 1999. 410 с.
16. Потапова О.Е. Лексико-семантическое поле «Море» как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 28 с.
17. Горбунова Л.И. Еще раз о категоризации водных объектов // Сиб. филол. журн. 2017. № 1. С. 208–220.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. М.: Азъ, 1996. 928 с.
19. Словарь русского языка. М.: Рус. яз, 1981–1984.
20. Ивашкевич И.Н. Перцептивные признаки как семантические компоненты лексического значения: (На материале имен существительных современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2003. 20 с.
21. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
22. Попова М.Л. Концепт как единство трех составляющих (на примере концепта ЗВЕЗДА) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 1431–1435. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86306.htm>
23. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.

THE PERCEPTUAL BASIS OF THE NAIVE CATEGORIZATION OF THE OBJECTIVE WORLD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 5–18. DOI: 10.17223/19986645/48/1
 Lyudmila I. Gorbunova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation).
 E-mail: ludgorbunova@mail.ru

Keywords: cognitive linguistics, naive and scientific categorization, naive picture of the world, perception, relevant sign.

The article examines how the sensually perceptible features of the object recorded in the meaning of lexical units of the language participate in the naive categorization of the objective world. When linguists study words as units of the lexical system and as units of speech, they could find out what knowledge about the object was spotted by a native speaker and what role it plays in the fact that the object was identified as an element of a particular class. Thus it is possible to access the structure of categories into which reality is divided, and also to determine their content and principles of formation.

The author believes that lexical categories are categories of an analog type, since lexical units of the language do not divide reality into categories, and are a means of nomination which reflects the results of the cognitive operations of categorization. Strict separation of categorization as a cognitive process and nomination as a linguistic process and the recognition of their correlation are the methodological basis of this work.

The contexts in which concrete nouns with the semantics of an object are used served as the material of the article. Only through context we can see exactly why a person relate certain objects to one class. When native speakers talk about why objects have such names or why they are to be called so, they explicate the cognitive process of categorization and its reason. Pointing to the object attributes that motivate the choice of a particular name, speakers refer to properties of things they pay attention to during categorization. Dictionary definitions do not provide such data for a number of reasons. Studying statements in natural language allows, on the one hand, to obtain reliable information about structuring the world and, on the other, to specify the amount of information about the object that is relevant from a cognitive point of view and important for lexicography.

The author came to the following results. It has been confirmed that (1) perceptual information plays an important role in the identification of an object as a representative of a certain class. All senses are involved in the perception of such information; (2) the sensuously perceived features of an object (shape, color, size, smell, sound, nature of the surface structure, etc.) can be used comprehensively during categorization.

For the first time it has been proved that (1) sensuously imperceptible signs can not be considered in naive categorization, even if they are relevant. This causes differences in the content, scope and structure of the naive and scientific category; (2) sensuously perceived irrelevant features of the object may be considered for inclusion in the naive category if they are firmly associated with a naive view of this class, represent it and if in everyday life they are interpreted as visible and distinctive.

References

1. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: What categories of language tell us about thinking]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
2. Bashkirtseva, O.A. (2011) *Kognitivnaya osnova semanticheskoy struktury slova: na materiale predmetnykh sushchestvitel'nykh s obshchim znacheniem "vozvyshehnost' konicheskoy formy"* [Cognitive basis of the semantic structure of the word: on the material of substantive nouns with the general meaning of the "elevation of the conical form"]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
3. Dzyuba, E.V. (2014) The category fruit in the scientific, trade, culinary and household world-views. *Vestnik AGU – Bulletin of the Adygeya State University*. 2 (140). pp. 44–51. (In Russian).
4. Korneva, V.V. (2015) Natural categories in natural language (on the example of Spanish language). *Drevnyaya i Novaya Romaniya*. 15:1. pp. 105–118.
5. Laenko, L.V. (2005) *Pertseptivnyy priznak kak ob'ekt nominatsii* [Perceptual feature as an object of nomination]. Abstract of Philology Dr. Diss. Voronezh.
6. Chistyakova, E.V. (2015) *Kategorizatsiya landshaftov i otsenochnyy potentsial landshaftnoy leksiki v sovremennom angliyskom yazyke* [Categorization of landscapes and the evaluation potential of landscape vocabulary in modern English]. Philology Cand. Diss. Tambov.
7. Skrebtsova, T.G. (2011) *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsiy* [Cognitive linguistics: Course of lectures]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
8. Boldyrev, N.N. (2006) *Yazykovye kategorii kak format znaniya* [Language categories as a knowledge format]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2. pp. 5–22.
9. Frumkina, R.M. et al. (1991) *Semantika i kategorizatsiya* [Semantics and categorization]. Moscow: Nauka.

10. Dzyuba, E.V. (2015) *Lingvokognitivnaya kategorizatsiya deystvitel'nosti v russkom yazykovom soznanii* [Linguocognitive categorization of reality in the Russian linguistic consciousness]. Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.
11. Kolshanskiy, G.V. (1976) Nekotorye voprosy semantiki yazyka v gnoseologicheskom aspekte [Some issues of semantics of language in the epistemological aspect]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic research]. Moscow: Nauka.
12. Gorbunova, L.I. (2016) [On the participation of categorization in nomination activities]. *Aktual'nye problemy russkoy i sopostavitel'noy filologii: teoriya i praktika* [Topical issues of Russian and comparative philology: theory and practice]. Proceedings of the International Conference. Ufa. May 12–13, 2016. Ufa: Bashkir State University. pp. 169–173. (In Russian).
13. Gavrilenko, O.V. (2010) *Kognitivnoe osvoenie landshafta v britanskoy i amerikanskoy lingvokul'turakh: sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie* [Cognitive development of the landscape in the British and American linguocultures: a comparative study]. Philology Cand. Diss. Vladivostok.
14. The Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (In Russian).
15. Simashko, T.V. (1999) *Denotativnyy klass kak osnova opisaniya fragmenta russkoy yazykovoy kartiny mira* [The denotative class as the basis for the description of the fragment of the Russian language picture of the world]. Philology Dr. Diss. Severodvinsk.
16. Potapova, O.E. (2012) *Leksiko-semanticheskoe pole "More" kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira* [The lexical-semantic field "Sea" as a fragment of the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
17. Gorbunova, L.I. (2017) Once more on linguistic categorization of water objects. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 208–220. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/58/20
18. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1996) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 3rd ed. Moscow: Az'.
19. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Ivashkevich, I.N. (2003) *Pertseptivnye priznaki kak semanticheskie komponenty leksicheskogo znacheniya: (Na materiale imen sushchestvitel'nykh sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Perceptual attributes as semantic components of lexical meaning: (On the material of nouns of modern English language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.
21. Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentality]. Moscow: CheRo.
22. Popova, M.L. (2016) Kontsept kak edinstvo trekh sostavlyayushchikh (na primere kontsepta ZVEZDA) [Concept as the unity of three components (by the example of the concept STAR)]. *Kontsept*. 11. pp. 1431–1435. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2016/86306.htm>.
23. Karaulov, Yu.N. (1976) *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka.